

Рецензируемый сборник статей «Новые подходы к славянским глаголам движения» имеет целью обобщить опыт изучения глаголов движения в славянских языках и представить новейшие исследования этой лексической группы, проведенные с учетом последних достижений в области лексической типологии, когнитивной лингвистики, компаративистики и такой прикладной области, как методика преподавания иностранного языка. Часть работ, опубликованных в сборнике, базируется на материале корпусов текстов, что серьезно повышает доказательность их выводов.

Глаголы движения привлекают пристальное внимание исследователей уже много десятилетий. К настоящему моменту очевидно, что механическое перенесение обобщений, верных для одного языка, на глаголы движения другого языка часто не дает удовлетворительных результатов. Существующие общие классификации, как, например, восходящее к Л. Талми известное разделение языков на «глагольные» (выражающие параметры траектории движения в глагольной лексеме) и «сателлитные» (где глагол выражает только способ движения, а параметры траектории выражаются вне глагола) [Talmy 2000], представляют во многом упрощенную картину [Slobin 2003], что многократно и ярко проиллюстрировано в типологической части рецензируемого издания.

Термин «глаголы движения» в узком смысле применительно к славянским языкам традиционно относится к компактной группе глаголов, похожих по своим лексическим, семантическим, синтаксическим и аспектуальным характеристикам, составляющей в славянских языках от 9 до 20 пар. В русском языке это, например, пары *бегать* – *бежать*, *летать* – *лететь*, *возить* – *везти* и т. п. Большинство статей сборника посвящены исследованию именно этих лексических единиц, иногда с привлечением единиц других лексических классов, однако в статье «Глаголы вращения в русском и польском языках» Е.В. Рахилиной этот термин получает более широкую трактовку, которая подразумевает любые глаголы, обозначающие перемещение в пространстве.

Известно, что глаголы движения в славянских языках обладают целым рядом особенностей, относящихся как к сфере семантики, так и к области прагматики. В исследованиях, помещенных в рецензируемый сборник, внимание

уделено таким проблемам, как аспектуальные характеристики глаголов движения (однократность/многократность, повторяемость действия, перфективность/имперфективность), а также направленность/ненаправленность движения, выражаемого глаголом. Изучается эволюция этих противопоставлений; рассматривается разнообразие способов перемещения, особенности траектории движения. Обсуждаются ограничения на грамматическое и лексическое выражение тех или иных аспектов семантики глаголов движения.

Сборник состоит из 15 статей, разделенных в соответствии с их тематикой на три части: «Диахрония средств выражения движения», «Синхронные подходы к глагольному виду» и «Типологический подход к изучению славянских глаголов движения». Во введении, написанном редакторами сборника (Викторией Хаско и Рене Перелмуттер), рассказывается о его структуре и дается обзор содержащихся в нем исследований.

Часть I «Диахрония средств выражения движения» содержит исследования способов выражения движения от праславянского языка до современных славянских.

Организации конструкций с глаголами движения с точки зрения порядка следования составляющих посвящена статья С. Тёрнер «Организация предложения и текста в раннем восточнославянском (на материале глаголов движения и положения в пространстве)». В исследовании представлен анализ тема-рематической организации предложений, содержащих глаголы движения и положения в пространстве, в ряде источников, созданных не позднее XIV в. (сказания, жития, новгородские берестяные грамоты, новгородская летопись). Показано, что по сравнению с древними текстами изменилось предпочтение в порядке слов в предложениях, где тему составляет конечная точка движения (X), – тема сдвинулась из конечного положения в начальное, ср. русское церковнославянское *И се приде въстникъ къ нему* и современное русское *В комнату вошла девушка*. В начале полностью рематических предложений со структурой VXS, возможно, было указание на время. В целом сделан вывод о влиянии факторов организации текста (которая в свою очередь зависит от его жанра) на частоту встречаемости в нем различных прагматических структур, связанных, в частности, с различным порядком слов: в текстах, ориентированных на описание пространства (мест-

ностей и событий, происходящих там), частотным порядком является XVS, где X – тема; в текстах, ориентированных на описание человека, – SVX, где S – тема; в летописи, ориентированной на описание времени, ни один из аргументов глагола не является темой.

Дж. Николз в статье «Ненаправленные глаголы движения – отыменные образования» обсуждает происхождение протославянских «неопределенных», или «ненаправленных» (indeterminate, в традиционной терминологии, «моторно-кратных»), глаголов. Утверждается, что более адекватным является анализ ненаправленных глаголов движения как отыменных образований, а не как каузативов, образованных от направленных глаголов. Имена, от которых произведены ненаправленные формы, сами были отглагольными, большинство их имело корневое *-o- (ср., например, старославянское *ходъ*). Благодаря своей продуктивности такие имена стали центральными в соответствующих словообразовательных гнездах, что сделало возможным образование от них глаголов с корневым гласным *-o- при помощи суффикса *-i-. После этого некоторые глаголы, имевшие каузативное происхождение, были переосмыслены как отыменные. Частично эта гипотеза подтверждается фактами, приведенными далее, в статье М.Л. Гринберга.

Возникновение той же оппозиции в северных славянских языках пытается проследить и С.М. Дикки в статье «Ненаправленные глаголы движения – на самом деле были глаголами способа движения». «Северные» славянские языки (под которыми подразумеваются западные и восточные) в исследовании противопоставлены южным, где указанная оппозиция в классе глаголов движения отсутствует, ср. болгарское: *Къде носиш това дете?* ‘Куда ты несешь этого ребенка?’. Остается открытым вопрос, существовала ли такая оппозиция в праславянском.

С.М. Дикки высказывает гипотезу о первоначальном функционировании в общеславянском современных ненаправленных глаголов (типа *xoditi*, *nositi*, *voziti*, *voditi*) для выражения способа движения. Опираясь на данные старославянского и современных южнославянских языков, он делает наблюдение, что эти глаголы могут использоваться и для выражения однократного направленного движения и это свойство экстраполируется на праславянский язык. Утрату такой способности у современных моторно-кратных глаголов в «северных» славянских языках автор объясняет возрастанием роли префиксации как средства перфективизации в славянской аспектуальной системе и

установившимся употреблением префикса *pri-* как аллативного.

Современные направленные глаголы, по его мнению, специализировались в общеславянском на обозначении начала движения или любого отрезка, включающего начало движения, вплоть до обозначения всего движения (траектории) целиком. При этом славянские глаголы *běžati* и *letěti* обозначали сперва способ движения (будучи противопоставленными глаголам **běgti* и **legti*), – в старославянском языке существуют контексты, отражающие такое реликтовое употребление этих глаголов, – а позже примкнули к группе глаголов, обозначающих начало движения.

Гипотезу о том, что моторно-кратные глаголы движения первоначально обозначали способ движения, поддерживает и М.Л. Гринберг в статье «Праиндоевропейское наследие и словообразовательные инновации в группе славянских глаголов движения с суффиксом *-i-*». В исследовании приводятся этимологии славянских глаголов указанной группы, в частности глаголов **jazditi* и **letěti*, основы которых состоят, по мнению автора, из глагольного корня, суффикса, указывающего на способ осуществления действия, и глагольного суффикса *-i-*. Праславянское **letěti* этимологизируется как стативный глагол от **lek-* ‘сгибаться от ветра’ с добавлением суффикса **-t-*, обозначающего устойчивое состояние, возникшее в результате повторяющихся действий. Старославянское *jazditi* < *ja-zd-i-ti* ‘ехать сидя’ возводится к праславянской основе **ja-sd-i*, где **ja-* ‘ехать’, **-sd-* ‘сидеть’ (т. е. сложное слово, образованное от двух глагольных основ, автор употребляет обозначение «квазисериализация»). М.Л. Гринберг соотносит период появления большого количества формальных и семантических инноваций в группе глаголов движения с периодом миграций славян, за которым последовал распад общеславянского на отдельные языки.

В части 2 «Синхронные подходы к глагольному виду» обсуждается вопрос о месте глаголов движения в аспектуальной системе современных славянских языков.

В статье Л.А. Янды «Перфективы от ненаправленных глаголов движения в русском» русские глаголы движения рассматриваются как глаголы с типичным для русского языка аспектуальным поведением, несмотря на то что они обладают двумя необычными характеристиками: имеют две основы («направленную» и «ненаправленную»), и, по мнению автора, как правило, префиксальные формы, образованные от ненаправленных глаголов, являются

имперфективными (*ходить* – *уходить*)¹. Однако Л.А. Янда указывает, что аспектуальное поведение глаголов движения так же, как и других глаголов, обозначающих процессы, определяется такой характеристикой, как «завершимость» (*completeness*; более традиционным синонимом была бы, по-видимому, «предельность»). Основываясь на данных Национального корпуса русского языка, Л.А. Янда пишет, что от неопределенных глаголов движения, как и от других глаголов, обозначающих неопределенные процессы, могут образовываться три типа перфективов:

- лимитативный, обозначающий процесс, ограниченный во времени, но не ведущий к достижению результата или изменению состояния (*полетать*). Перфектив этого типа Л.А. Янда называет *complex act perfective* ‘перфектив элементарного действия’;

- семельфактивный, обозначающий один полный цикл в серии повторяющихся действий (*слетать*), – в терминологии автора *single act perfective* ‘перфектив единичного действия’;

- «специализированный» (термин автора) – семантика которого далека от семантики производящего глагола (*выходить*, *заезжать*). Судя по приведенным примерам глаголов других классов (*прилететь*, *переписать*, *переработать*, *раздуть*, *износить*) этот перфектив похож на перфектив комплетивного типа, обозначающий финал предельного процесса, но с более или менее значительной идиоматизацией.

Термин «*special act perfective*» ‘перфектив специализированного действия’, употребленный автором однократно (с. 129), вероятно, является эквивалентом термина «специализированный перфектив».

Ссылаясь на работу J. Forsyth «*A Grammar of aspect*» (Cambridge, 1970), где перечислены значения неопределенных глаголов движения – итеративность, хабитуальность, движение в разных направлениях, обозначение типа движения, – О. Каган в статье «Аспекты движения. О семантике и прагматике ненаправленного вида» указывает, что «ненаправленный вид» не обязательно подразумевает повторяющиеся события – при помощи ненаправленного глагола движения может быть описано и однократное

событие: *Один раз Лена уже летала во Францию*. Однако прагматический принцип – максима наибольшей информативности утверждения (*maximize assertion*) – заставляет искать во фразах с ненаправленным глаголом движения аспектуальную множественность, по крайней мере множественность направлений движения, в результате чего такие фразы, даже несмотря на указание в них цели (*во Францию*), интерпретируются как имеющие значение ‘туда и обратно’. Такое восприятие фраз данного типа носителями русского языка автор подтверждает экспериментально.

В статье «Глаголы движения под отрицанием в современном русском языке» Р. Перелмуттер делит на два класса все случаи употребления в современном русском глаголов движения под отрицанием (материалы для исследований взяты из поисковой системы Google).

Наиболее частотны такие употребления для обозначения того, что событие, состоящее в некоем движении, не происходило. Особенности отрицательных предложений этой группы по сравнению с соответствующими утвердительными предложениями, по подсчетам автора, являются:

- тенденция к отсутствию детальной спецификации типа движения (крайне редко можно встретить глаголы типа *ковылять*, *плестись*);

- тенденция к отсутствию обозначения траектории движения – в целом префиксальные глаголы встречаются в таких контекстах чаще префиксальных. Префиксальные глаголы имеют тенденцию к обозначению движения к цели (префиксы *при-*, *до-*) или от исходной точки (*у-*, *от-*), а не траектории движения, не включающей исходной точки или цели (*пере-*, *об-*). Следует отметить, что, по статистическим данным, приведенным в таблице 2 на с. 168–171, частота употребления глаголов с префиксом *под-* (указание на достижение цели) сопоставима с частотой употребления глаголов с префиксом *пере-*;

- отсутствие детального описания конечной точки движения – обычно это общие указания типа *домой*, *сюда*, *на работу*;

- частое включение в ситуацию не только движущегося объекта, но и наблюдателя (об этом понятии см. подробнее, например в [Падучева 2004]), находящегося либо у цели, либо у исходной точки движения, который либо ожидает движение, либо каким-то другим образом вовлечен в него так, что отсутствие этого события воздействует на него: *Юрий Антонов не пришел... на собственный концерт, чем вызвал возмущение поклонников* (с. 175). Очевидно, в таком случае место нахождения наблюдателя, совпадающее с целью (локусом), может быть

¹ Заметим, что это утверждение не является бесспорным: так, в [Анна А. Зализняк, Шмелев 2000] подробно аргументируется анализ, согласно которому глаголы типа *уходить* следует рассматривать не как префиксальные производные от глаголов типа *ходить*, а как суффиксальные производные (вторичные имперфективы) от глаголов типа *уйти*.

описано детально, хотя эксплицитно в статье это не указано. При нарушении ожиданий наблюдателя употребляется совершенный вид глаголов движения. Несовершенный вид используется, как правило, в тех случаях, когда наблюдатель не вовлечен в ситуацию.

Вторая группа контекстов, содержащих глаголы движения под отрицанием, относится к ситуациям, когда движение на самом деле происходило, – таково употребление совершенного вида в составе особых конструкций типа *пока не отплыл*: *Бабушка долго стояла на краю иллюза, пока пароход не отплыл так далеко от берега, что пассажиров, стоявших на палубе, стало не видно* (с. 177).

Статьи в части 3 «Типологический подход к изучению славянских глаголов движения» вводят славянские языки в более широкий контекст исследований семантического поля движения. Многие исследования выполнены с учетом идеи о бинарном разделении языков на глагольные и сателлитные, однако авторам удается избежать упрощенного взгляда на проблемы семантики конструкций, включающих глаголы движения.

Результаты анализа семантического сложения таких характеристик движения, как способ и траектория, на материале корпусов устных нарративов на русском и английском изложены в статье «Семантическая композиция глаголов движения в русском и английском: случай внутритипологической вариативности» В. Хаско. Сравнивая два языка, которые характеризуются как сателлитные – кодирующие способ движения в глаголе, а траекторию с помощью частиц/предлогов, – автор приходит к выводу о том, что русский язык имеет больше семантических и структурных возможностей (в частности, сочетания различных приставок и предлогов: *залезть на*, *залезть в*) для выражения многочисленных нюансов, связанных с движением, – способа, пути, направленности/ненаправленности и аспекта.

Польский язык, который также является сателлитным языком, уступает английскому не только по количеству глаголов, обозначающих способ движения, но и по разнообразию их значений, утверждает автор статьи «Ситуации движения в польском» А. Копецкая. Кроме того, некоторые глаголы в польском участвуют в ограниченном количестве конструкций с сателлитами, указывающими направление движения. Для уточнения способа движения польский язык использует различные модифицирующие выражения (*szybko* ‘быстро’, *raptem* ‘внезапно’, *na palcach* ‘на цыпочках’,

potykając się ‘спотыкаясь’) и придаточные предложения.

Л. Филипович в исследовании «Как важно быть префиксом: Префиксальная морфология и лексикализация глаголов движения в сербохорватском» указывает, что префиксы отвечают за два морфосинтаксических явления – комбинаторные возможности глагола и морфологическое блокирование, которые руководят выбором глагола и отражаются на частотности употребления различных глаголов движения.

Наиболее широкие комбинаторные возможности наблюдаются у глаголов, оформленных префиксами *od-*, *do-* (которые сочетаются с наибольшим числом глаголов движения), поскольку эти префиксы могут сочетаться со всеми предлогами, следующими за глаголом – в отличие от русских, где предлог, следующий за префиксальным глаголом движения, обычно повторяет глагольный префикс. Глаголы, оформленные такими префиксами, в сочетании с различными предлогами могут обозначать всю траекторию полностью – в то время как глаголы, оформленные более специализированными префиксами *iz-*, *u-*, *pro-*, *pre-*, *na-*, *pod-*, могут обозначать только некоторую часть траектории, но не всю траекторию движения.

Морфологическое блокирование состоит в невозможности выразить при помощи глагола движения в имперфективе одновременно и способ движения, и траекторию, указывающую на изменение местоположения (пересечение некоторой границы), т. е. невозможность построить в сербохорватском фразу, подобной русской *Он вкатывался в шалаш* с актуальным (а не хабитуальным или итеративным) значением, при возможности фраз, подобных русским *Он катался по шалашу*, *Он вкатился в шалаш* и *Он входил в шалаш, катясь* (русские примеры подобраны нами с учетом английских переводов, приведенных автором, и авторских пояснений). Это связано с тем, что для обозначения пересечения некой границы в сербохорватском используются приставочные глаголы движения, а практически все приставочные глаголы движения – перфективы. Вторичная же имперфективация не свойственна сербскохорватскому.

В статье «Вариативность в кодировании конечной точки движения в русском языке» Т. Никитина изучает различия в выражении конечной точки движения при русских глаголах разных лексических классов. При глаголах направленного движения (*бежать*), а также при глаголах, указывающих на способ движения, влекущего за собой перемещение в пространстве (*шагать*), или подразумевающих направленное движение как возможное следствие

другого действия (*толкнуть, пихнуть*), употребляется только предложная группа со значением направления. При глаголах изменения положения субъекта или объекта в пространстве (*класть, ставить, садиться*) возможно употребление как предложной группы со значением направления, так и предложной группы со значением местоположения: *Гости сели на диван / на диване* (с. 275). Это связано с особым устройством ситуации: движение здесь лишь предшествует изменению положения в пространстве, более того, иногда перемещения объекта вовсе не происходит, меняется только его положение в пространстве: *Я увидел, что бутылка упала, и снова ее поставил* (с. 274). Локативная предложная группа возможна, поскольку указывает на место, где произошло изменение положения объекта или субъекта в пространстве. В статье рассматриваются различные факторы, обуславливающие выбор между двумя стратегиями кодирования конечной точки движения.

Е.В. Рахилина в статье «Глаголы вращения в русском и польском» проводит сопоставительный анализ русских и польских глаголов с семантикой вращения, что позволяет выделить факторы, релевантные для выбора определенного глагола в соответствующем контексте в каждом из этих языков. Для польского оказался важен фактор скорости вращения в *wirować* 'кружиться', а для русского – контролируемость в *кружиться* / неконтролируемость в *вертеться*. Определяется большая степень важности фактора оси вращения для русского *крутиться*, нежели для польского *kręcić się*. Это видно, в частности, по переносным употреблением данных глаголов: в русском обозначается движение или нахождение рядом с каким-либо человеком (ориентиром), в польском же возможно описание хаотического движения, не связанного с областью ориентира, *Po pokoju kręci się dwójka dzieci* 'По комнате бегают двое детей'. Указывается на существенную разницу между русским *кружить* и польским *krążyć* – русская лексема предполагает обязательную вертикальную дистанцию между движущимся объектом и ориентиром, тогда как польская соотносится с гораздо более широким кругом ситуаций – движением вокруг внешнего ориентира на определенном расстоянии от него. В статье предложены конкретные фреймы, описывающие семантику всех исследованных глаголов.

Похожий анализ предпринят и в следующей статье М. Копчевской-Тамм, Д. Дивьяк и Е.В. Рахилиной «Глаголы движения в воде в славянских и германских языках: к лексической

типологии», где сопоставляются русские глаголы *плыть / плавать*, польские *płynąć / pływać* и их соответствия в датском, английском и шведском языках на фоне широкого типологического материала. Изучению типологии глаголов движения в воде было посвящено отдельное исследование [Майсак, Рахилина 2007]. Типологически подтверждено, что языки могут различаться и по количеству глаголов, покрывающих пространство значений движения в воде, и по параметрам семантической категоризации значений. Русский язык, где представлена всего одна пара деривационно связанных глаголов, является в этом отношении «бедным». Три основных типа движения в воде: SWIMMING (активное плавание), SAILING (плавание на судне), DRIFTING/FLOATING (пассивное плавание / нахождение на поверхности воды) – распределены нетривиальным образом между этими двумя глаголами. Существенные различия между употреблениями схожих глаголов в русском и в польском, сходство польского и шведского в том, что они обозначают одним глаголом движение в воде и течение жидкостей (например, в ситуации, когда река впадает в море), приводит авторов статьи к естественному выводу о том, что лексические системы, обозначающие один круг явлений, даже в родственных языках могут быть устроены совершенно по-разному. В связи с этим в заключении к статье появляется фактически призыв при исследовании языковых явлений работать не только в рамках общих, а потому приблизительных типологических классификаций (как бинарное разделение между «глагольными» и «сателлитными» языками, введенное Л. Талми), но и исследовать очень подробно небольшие лексические группы в различных, в том числе и близкородственных языках, с тем, чтобы обнаружить их особенности, не отраженные пока в глобальных классификациях.

Образование переносных значений у глагола *идти* исследует Т. Нессет в статье «Метафорическая прогулка. Русский *идти* как обобщенный глагол движения», используя инструментарий когнитивной лингвистики. Автор делает общее наблюдение о том, что ходьба – прототипический вид движения, другие, непрототипические виды движения отличаются от него по разным измерениям (*бежать / бегать* – по скорости, *ехать / ездить* – по наличию транспортного средства, *лезть / лазить* – по преодолению физической преграды и т. д.), и таким образом *идти / ходить* оказывается центральным понятием среди глаголов движения. Неудивительно, что в различных языках именно этот глагол используется в качестве обобщенного глагола движения. При

метафоризации в контекстах типа *Поезд идет* направленность движения выходит на первый план, в связи с чем и используется однонаправленный глагол *идти*.

Глаголы движения являются камнем преткновения для иностранцев, изучающих русский язык, чему посвящена последняя статья рецензируемого сборника. К. Гор, С. Кук, В. Малюшенкова, Т. Вдовина в исследовании «Русские глаголы движения. Усвоение второго языка и перспективы когнитивной лингвистики» тестируют с целью обнаружить проблемные зоны в употреблении русских глаголов движения не только изучающих русский как иностранный в зрелом возрасте, но и усвоивших русский в семье в иноязычном окружении. Выявлены типичные ошибки в употреблении глаголов движения: для изучающих русский как иностранный особую проблему представляют глаголы, обозначающие движение туда и обратно (*сбѣгать*), усвоившие русский в семье часто употребляют однонаправленные бесприставочные глаголы вместо разнонаправленных, что объясняется, по мнению авторов, большей частотностью первых. Проблемы с префиксами возникают главным образом у изучающих русский как иностранный. Типичные ошибки являются следствием межъязыковых различий в системе глаголов движения.

В разнообразных как по тематике, так и по методам исследования статьях, собранных в рецензируемом издании, отражена много-

гранность проблематики глаголов движения в славянских языках. Сборник дает достаточно полное представление о степени разработанности данного вопроса к настоящему моменту и открывает многочисленные перспективы для дальнейших изысканий. Знакомство с ним, безусловно, будет полезно широкому кругу славистов и аспектологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Майсак, Рахилина 2007 – Т. Майсак, Е. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Slobin 2003 – D.I. Slobin. Language and thought online: Cognitive consequences of linguistic relativity // D. Gentner, S. Goldin-Meadow (eds.). Language in mind: Advances in the study of language and thought. Cambridge, 2003.
- Talmy 2000 – L. Talmy. Toward a cognitive semantics. V. 1, 2. Cambridge, 2000.

Н.Л. Шибасова

Сведения об авторе:

Наталья Львовна Шибасова
Институт языкознания РАН
nshibasova@yandex.ru